

ЗАКОН О СТАТУСЕ ПЕДАГОГА – НАДЕЖДЫ НА ОБНОВЛЕНИЕ ШКОЛЫ

После долгих дискуссий Закон РК «О статусе педагога» был утвержден и вступил в силу 11 января 2020 года. Об этом значимом событии в жизни каждого учителя Казахстана мы поговорили с депутатом Мажилиса Парламента РК Ириной Владимировной СМЕРНОВОЙ, принимавшей непосредственное участие в разработке закона.

— Уважаемая Ирина Владимировна, Вы педагог с огромным опытом: были директором одной из лучших школ Алматы, последние годы – активный участник законодательного процесса в Мажилисе. Каков был Ваш вклад в разработку и принятие Закона «О статусе педагога»?

— Я была членом рабочей группы по разработке проекта Закона «О статусе педагога». Это были очень серьезные переговоры, презентации, встречи, убеждение друг друга... Достаточно многое из того, что было нами предложено, не было поддержано правительством, ну, а то, что прошло, мы, конечно, поддержали.

— Расскажите, пожалуйста, как шло обсуждение? Что, собственно, и почему не было поддержано?

— Не было поддержано предложение о выходе учителей на пенсию по выслуге лет. Борьба шла серьезная. Нам говорили, что это будет очень низкая сумма, что-то около 12 000 тенге в месяц.

Мы отвечали, почему нет, если педагоги этого хотят! Может быть,

человеку просто нужно чувствовать, что можно уйти на пенсию по выслуге, и кто-то уйдет на 12 тысяч. В конце концов, правительство, просчитав все свои финансовые возможности, сказало, что это невозможно. По крайней мере, на данный момент.

Затем мы поднимали вопрос о снижении нагрузки по учительской ставке до 16 часов.

— Это ведь приняли?

— Приняли, но с отлагательством до 2021 года. А мы хотели провести с 1 января 2020 года. В правительстве также просчитали финансы и определили, что это можно реализовать только при следующем определении бюджета страны на 2021 год. Мы нашли консенсус, и закон получился такой, как получился.

— Тем не менее, принятие закона – это большой, серьезный прорыв. Россия тоже хочет повторить опыт Казахстана.

— Да, конечно, на самом деле рождение такого закона уже важно. Само его название – «О статусе педагога» говорит о том, что закон определяет другой статус, не такой, как у всех. Этот закон показывает, что человек, который занимается профессиональной педагогической деятельностью, очень важен в масштабах государства. А так как закон появился, то теперь в него можно вносить дополнения и изменения и продолжать улучшать положение учителя.

— Обращаясь к некоторым базовым моментам: хочется спросить, в связи с чем, по-Вашему, упал статус педагога, почему его приходится поднимать и закреплять законодательно? Что произошло, что поменялось в обществе и в школе?

— Поменялась полностью парадигма отношения к образованию. Если в советское время учитель был главным проводником в мир знаний, то теперь намечен вектор на развитие самостоя-

тельности ученика, направление его на поиск и добычу знаний.

Поменялись и общество, и государство, и все нормативные документы. Общество раньше по-другому относилось к учителю, изменились его полномочия.

Раньше у учителя было много самых разных возможностей влияния на воспитание и обучение детей. Сейчас их гораздо меньше. И общество нынче в лице родительской общественности часто не хочет, чтобы его ребенка учили так, как предполагает тот или иной учитель. У каждого родителя есть свое мнение по этому поводу. Это мнение тоже нужно учитывать и уважать. Поэтому что заказчиком в системе образования является как государство, так и родитель. Более того – и сам ребенок.

В этом есть и положительные моменты, поскольку учитывается личность ребенка, его возможности, его желания, но есть и отрицательные, когда учитель не может в полной мере влиять на процесс воспитания и обучения.

Взять, к примеру, те же самые СОЧ и СОРы. Они имеют свои положительные и отрицательные стороны: по старой системе мы привыкли к тому, что учебная оценивается каждый день, засчитывается каждое слово, каждый ответ, ребенок учился также и ради оценок. А если он оценивается только посредством СОЧ и СОРов, то появляется и некоторый положительный момент – ребенок начинает учиться не только за оценки.

Я спрашивала директоров школ, поскольку сама уже в это время не работала, о наличии положительных тенденций. Говорят, они есть. Например, те ребята, которые учились раньше на тройки, показывали невысокие результаты, имели какую-то «стигму» – ярлык слабых, неуспешных, теперь раскрываются, потому что знают, что оценок не будет. Они свободно говорят, спорят, обсуждают и проявляют активность.

Но вместе с тем имеется и отрицательная сторона: то, что ребенок не занимается домашними заданиями систематически. Родители отстранились и имеют на это право. Механизма контроля за выполнением домашних заданий у нас, по сути, нет, и мы зачастую приходим к тому, что просто не задаем их.

Однако, математика, например, это такая наука, в которой нужно разви-

вать навыки. А навыки – это минимум 30 раз надо прорешать примеры и уравнения самому и дома. Тогда прививаются знания, умения и формируется навык. Триединая формула. Не будет ее – не будет знаний по математике. Всем будет комфортно, удобно, но математику знать не будем.

Тут каждый выбирает то, что хочет, и государство тоже определяет то, что ему нужно. Министерство может внедрять в образовании те или иные новшества, писать свои законы и нормативные документы. Плохо, что не объясняют – зачем. Нужно уметь объяснить, для чего делаются эти инновации. Почему СОЧ и СОРы, а не традиционные оценки? Ну объясните внятно людям, почему и зачем это нужно.

Они же говорят: «Нет, мы менять не будем, и все тут».

Допустим, появляется определенная свобода, ребенок не получает стресса на уроках. Однако, стресса он не получает только во время прохождения занятий. А стресс получается во время самого прохождения СОЧ и СОРов. Огромный, накопительный стресс. И если мы не будем выполнять домашние задания, то нужно искать какие-то другие дополнительные подходы для усвоения материала.

Ведь, по сути, нам инновации и новые нормативные документы никто не диктует, и, когда возникает такое напряжение в обществе, надо гибко находить возможности, объяснения ситуации, показывать выходы из нее, а не просто перпендикулярно упираться.

Нынче учитель не может поменять ситуацию, и это тоже влияет на его статус. Он должен четко идти, выполнять свою работу, в каких-то определенных достаточно узких рамках. Все, что он должен делать, прописано. То есть, нет творчества, оно лимитировано. Но вы же сами знаете, что

педагогика – это скорее искусство, нежели наука. И когда все жестко зажато в рамки, это убивает творчество, и хороших результатов не дождешься.

– Смею предположить, что вразумительных объяснений нет, поскольку нет достаточного опыта работы в предлагаемой системе, и сама система привнесена извне, то есть рекомендована иностранными консультантами. Внедрена она через модель НИШ, так что получается все-таки, что

нам диктуют. И в результате выпускники остаются без знаний математики и других точных предметов, что мы уже отчетливо видим по качеству знаний поступивших в вузы студентов, и по результатам различных независимых тестирований.

Но давайте еще о законе. Школьная система – это многовекторное образование, учитель – ученик, учитель – родители, учитель – вуз. Прописывает ли закон что-то новое в этой сети взаимосвязей?

– Безусловно,

закон указывает, что учитель на своем рабочем месте не должен выполнять не свойственные ему функции. Он должен хорошо проводить уроки, заниматься с детьми и воспитывать их, то есть – заниматься своими непосредственными обязанностями.

Раньше учителей куда только ни привлекали – к обходу участков при проведении избирательных кампаний, или, например, к проведению ЕНТ. Вплоть до организации поездок для сдачи экзаменов в вузы. А это уже нонсенс. После окончания школы ученик уже никак ее не касается. Однако учитель нес ответственность, вез, отвечал, стоял, ждал, переживал. Хотя это вообще ни к чему. Закончили школу – спасибо, до свидания, мы остаемся добрыми друзьями.

Сейчас установлено, что учитель не будет всем этим больше заниматься. Вузу – вузово, школе – школьное, и не нужно учителю превышать полномочия, что приводит к таким процессам, которые сопровождаются несанкционированными документами. А выбор вуза – это уже решение самого учени-

ка. Как участвовать, куда поступать. Написать экзамен хорошо или написать его специально плохо, поскольку родители заставляют, а ребенок не хочет поступать в этот вуз. Такие случаи были в моей практике. А учитель нес за это ответственность! Почему?

В законе сказано также об ответственности двух сторон. Учителя – перед учеником и родителями. Что у него будет грамотное, профессиональное и квалифицированное отношение. Но у родителя и ученика тоже есть определенная ответственность. Эта ответственность выражается в том, что учитель защищен от неуживательного и порой оскорбительного отношения со стороны ученика и родителей.

– Что касается выпускников педвузов, идущих в школу по остаточному принципу, поможет ли закон разорвать порочную спираль снижения качества выпускаемых кадров и исправить ситуацию в сторону повышения профессионализма?

– Из тех, кто закончил педагогические вузы, многие не идут в школу. Они идут хоть куда. Они получили ораторское мастерство, знают, как взаимодействовать с людьми, потому что изучали педагогику, психологию и многое другое, чего не преподают в технических вузах. И они вполне востребованы в различных сферах деятельности: например, в организации отдыха и туризма.

В Финляндии в педагогические вузы имеют право поступить 10%, а в Корею 5% самых лучших выпускников школ, другие просто не имеют права. Эти лучшие получают очень хорошее образование в вузах и зарплату на местах работы. А у нас те, кто пришли в педагогические вузы, еще и получают в них не очень хорошее образование. Мы знаем нашу систему высшего образования, которая «спотыкается на четыре ноги». Если в школе уже работает обновленная программа и применяются, по крайней мере декларируются, новые подходы, то в вузах преподают еще по старой программе. Студенты, выпускники практически не знают новой программы. Им же в процессе работы приходится изучать новые подходы и приемы.

Также очень мало педагогической практики. Пока студент последние два года учится, его нужно прикрепить к какой-то школе, а может быть, даже к разным школам, чтобы он увидел разные практики. И чтобы он по каждой четверти там провел. Многие молодые учителя сейчас, приходя в школу, вообще не знают, что им надо делать и как действовать. То есть нужно сейчас менять и саму систему высшего образования, которая готовит наших педагогов.

– Как Вы считаете, наверное, увеличение зарплаты на 25%, прибавки за классное руководство, проверку тетрадей, снижение учебной нагрузки до 16 часов, доплаты за педагогическое мастерство и наставничество, увеличение периода отпуска до 56 дней и целый ряд других преференций привлекут и мужчин в школу и как-то уравновесят гендерный баланс?

– Сейчас заработная плата может быть и 200, и 300 тысяч. Но если вести две ставки, то можно и умереть. А на одну ставку жить нельзя. Чаше берут полторы ставки. Но нагрузка все же высокая. Поэтому закон о статусе учителя и повышение заработной платы должны, конечно, повлиять.

И я считаю, не надо никаких социальных гарантий, особенно по сельским учителям, вроде того – мы вам дадим угля, привезем вязанку дров, наколим сена. Может быть, не надо ни дров, ни сена, а дать приемлемую зарплату, и тогда учитель не будет отапливаться углем и дровами, а подключит газ и гораздо больше сохранит себе свободного времени для подготовки уроков, вместо того чтобы растапливать печь и выносить золу. И молоко купит у соседки, а не будет до уроков с утра пораньше доить корову и выгонять в стадо, а потом не успевать подготовиться к урокам.

Учитель должен заниматься учительством, а не держать скотину. Его главная задача – готовиться и качественно провести урок.

Поэтому, я думаю, высокая заработная плата привлечет. И уже привлекает.

Мы знаем, что если реальная заработная плата сейчас почти у половины населения страны – 100 тысяч тенге,

то у учителя она уже может достигать до 250 и выше. Конечно, эта сумма становится очень привлекательной для многих. Есть надежда, что и лучшие выпускники выберут пединституты, и будет у нас цивилизованное гендерное равенство, когда в школы придут не только женщины, но и мужчины.

– Была ли у Вас какая-то обратная связь, Вы слышали что-нибудь, как учителя, директора отнеслись к этому закону?

– Сначала отнеслись очень критично, потому что многое из того, что хотели, они не получили. Например, пенсию, о которой говорилось так много. Хотя, я думаю, что практически никто бы на нее не ушел, поскольку она очень маленькая. У нас учителя работают практически до 80 лет, потому что все-таки любят свое дело.

А сейчас учителя уже поняли, что они получили, и, по-моему, в большинстве уже довольны.

Конечно, есть еще много недоработок. Вот, например, звонят учителя из ряда областей, жалуются, что они до сих пор не получают доплату и не получают зарплаты в полной мере. Но с этими вопросами управления образования должны разбираться на местах.

Я очень надеюсь, что придут в педагогические вузы лучшие, потому что появятся те, кто захочет работать, а не просто получить вузовскую «корочку». За место учителя в школах реально возникнет конкуренция, которая приведет к улучшению общей ситуации.

– И надо полагать, что в закон в процессе работы будут вноситься коррективы?

– Несомненно, закон открыт для изменений и будет совершенствоваться.

**Вопросы задавал
А. ЗАГРИБЕЛЬНЫЙ,**

**заместитель главного редактора
журнала «Современное образование»**

АННОТАЦИЯ

Біздің журналымыздың жақын арада қабылданған «Педагог мәртебесі туралы» ҚР Заңының әрекет ету механизмі мен келешегі туралы сұрақтарына Мәжіліс депутаты, көп жылдық тәжірибесі бар педагог И. В. Смирнова жауап береді.